

Об основах позиции Азербайджана в вопросе «территориальных требований Армении, зафиксированных в Конституции РА»

Комментарий эксперта, 05.08.2024

Норайр А. Дунамалян¹

Политика нынешнего Азербайджана во многом основана на «обратной» пропаганде, проецирующей обоснованную критику деструктивных действий азербайджанских властей на своих противников и, в частности, Армению. Требования И. Алиева по смене Конституции РА исходят именно из этой логики, отражая политико-правовую шаткость основ азербайджанской государственности и манипуляции понятием «*территориальная целостность*».

Путь к независимости современной Республики Армения выстроен последовательными шагами, которые совершались в духе политики «Перестройки» и соответствовали, как казалось многим деятелям Карабахского движения, принятым «правилам игры», будь то Конституция СССР или постсоветское урегулирование. В то время как Баку попеременно метался между двумя взаимоисключающими тенденциями: антисоветской и условно «просоветской» позицией. Если армянская сторона конкретно ставила вопрос о самоопределении НКАО, то Баку пытался лавировать между союзным центром и либерально-националистическими силами внутри республики. Однако именно Азербайджан начал постепенный процесс нарушения советских «правил игры».

Обсуждаемые сегодня [«Постановления ВС Арм. ССР и Национального Совета Нагорного Карабаха о воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха»](#), принятые 1 декабря 1989 г, не были претензией на территории Азербайджана, поскольку, во-первых, вопрос передачи субъектов СССР проводился в рамках логики единого территориально-политического образования, а не стремления к независимости, и, во-вторых, 23 сентября 1989 года Верховный совет АзССР принял [«Конституционный закон](#) Азербайджанской ССР о суверенитете Азербайджанской Советской Социалистической Республики», заявляющий о фактической независимости Азербайджана. При этом, на протяжении всего 1989 г. вокруг Нагорном Карабахе происходила «война постановлений», инициированная союзным центром и азербайджанским руководством, что нарушало конституционные права местного населения и лишало его представительства в государственных органах. Принятием закона о суверенитете азербайджанские власти (при том, что всесоюзный закон о проведении референдумов был принят только в декабре 1990 г.) пытались «шантажировать» союзный центр с целью получения помощи для силового решения Карабахского конфликта. Такой подход повторялся в будущем несколько раз.

Армения только 23 августа 1990 г. приняла [Декларацию о независимости](#), элементом которой стало «Постановление о воссоединении Армении и Нагорного

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 15 научных работ и статей.

Карабах», что стало политическим заявлением, демонстрирующим решимость защитить [право народа Арцаха на самоопределение](#). Азербайджанская трактовка этого аспекта, связывающая «Постановление» с территориальными претензиями Армении к Азербайджану, продолжает старый нарратив об «*оккупации азербайджанских земель*», игнорирующий права армян, подвергнутых этническим чисткам в 1988–1993 и 2020–2023 гг. Однако даже в случае отказа от упоминания «Декларации о независимости» в преамбуле Конституции РА, удовлетворение подобных требований является опасным прецедентом (в т. ч. и для Азербайджана).

Как мы уже отметили, Карабахский вопрос стал элементом политических игр руководства АзССР с союзным центром. Вплоть до 30 августа 1991 г. (если не сказать – до распада СССР) Азербайджан пытался заручиться поддержкой Москвы с целью силового решения конфликта. В феврале 1991 г. Верховный Совет АзССР в обход Конституции СССР переименовал страну в Азербайджанскую Республику, что не помешало Азербайджану в марте 1991 г. принять участие в референдуме о сохранении СССР (более 90% участников проголосовало за сохранение Союза), а в мае того же года азербайджанское руководство согласилось на участие в т. н. «Новоогаревском процессе», нацеленном на сохранение Советского Союза в виде конфедерации. Параллельно с этим в апреле-мае 1991 г. в Нагорном Карабахе (НКАО и Шаумянском районе) и Армении азербайджанский ОМОН при поддержке подразделений СА, МВД и КГБ СССР проводил этнические чистки (т. н. операция «Кольцо»). 19 августа А. Муталибов даже поддержал попытку переворота ГКЧП, однако после «августовского путча» азербайджанское руководство кардинально изменило подход, отказавшись от советского наследия и приняв декларацию о восстановлении независимости ([30 августа](#)), а затем и [конституционный акт](#) «О государственной независимости Азербайджанской Республики» (18 октября). Эти документы подтверждали преемственность Азербайджанской Демократической республики 1918 г. (с ее неопределенными государственными границами), а также отмечали незаконность советских постановлений в отношении Азербайджана, обвиняя Россию в аннексии и оккупации Азербайджана (причем – дважды: в 1806–1828 и 1920 гг.). Помимо прочего, данным шагом Азербайджан отказывался от политико-правовых основ создания Автономной Области Нагорного Карабаха (с 1936 г. – Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО)).

Такой исторический экскурс позволяет нам понять логику территориальных претензий Азербайджана, которые в значительной степени конъюнктурны и не подразумевают под собой наличия каких-либо оснований. Та же формулировка в декларации о независимости АДР о том, что территория Азербайджана включает Южное и Восточное Закавказье является нонсенсом, который не был скорректирован даже в период независимости. С другой стороны, признание советских границ для Баку также проблематично, поскольку Азербайджан, проведя референдум о выходе из СССР 29 декабря, по сути, вышел из уже несуществующего субъекта. К тому же Нагорно-Карабахская Республика объявила о своей независимости от Баку [2 сентября 1991 г.](#) – задолго до принятия Азербайджаном конституционного акта «О государственной независимости Азербайджанской Республики». При этом НКР

применило все необходимые процедуры, предусмотренные советским законодательством, а упразднение НКАО Верховным советом Азербайджана было признано постановлением Конституционного надзора СССР от 28 ноября 1991 г. [антиконституционным](#).

Иными словами, Азербайджан так и не определился с границами своего государства: ни в случае со своей первой республикой (Лига наций [не признала](#) границы АДР по причине территориальных споров с соседними государствами), ни «советских» границ, так как современный Азербайджан отверг Алма-атинскую декларацию и отменил автономию Нагорного Карабаха.

И, тем не менее, Азербайджан может вполне прибегать как к аргументу «мобильных границ» АДР, так и говорить о «делимитации» по советским картам. В обоих вариациях азербайджанские власти делают ставку на силу и экономические рычаги, а не политико-правовые аргументы. В самой азербайджанской «экспертной» среде вопрос преемственности не рассматривают как важный с территориальной точки зрения, сравнивая его с преемственностью России и СССР. Однако следует напомнить, что в Конституции РФ нет ссылки на какой-либо документ советского или имперского периода, в то время как в азербайджанской конституции присутствует упоминание основополагающего закона о независимости, где отмечается восстановление досоветского режима и тем самым затрагиваются пункты декларации 1918 г., в которой присутствуют территориальные претензии к Грузии и Армении. Это обстоятельство нас возвращает к решению Лиги Наций не признавать АДР по причине территориальных споров.

Баку, эксплуатируя квазиисторические нарративы с целью оказания давления, может получить ответ в виде «адекватной» реакции региональных оппонентов. В определенных условиях Армения может выставить требования на счет формулировок о Восточном и Южном Закавказье в декларации о независимости АДР, вопроса «оккупации Азербайджана» со стороны России, незаконности упразднения НКАО и факта уничтожения армянского культурного наследия. Другими словами, манипуляции Азербайджана, направленные на создание мифов о принадлежности Армении к «историческому Азербайджану» и т. д., заставляют обращаться к истории территориального размежевания 1918–1920-х гг., когда территория Азербайджана не имела признанных границ. Таким образом, апелляции к спорным историческим документам в качестве аргумента территориальных притязаний может открыть «ящик Пандоры», ведущий к взаимным обвинениям 100-летней давности.

«Территориальный» нарратив последовательно муссировался азербайджанской стороной, хотя Нагорно-Карабахский вопрос изначально имел и продолжает иметь территориально-правовой характер, связанный с борьбой армян Нагорного Карабаха/Арцаха ради окончательного самоопределения в регионе своего исконного проживания. Поэтому обвинения Армении в «агрессии против территорий Азербайджана» используются азербайджанским руководством с целью уничтожения проармянского нарратива, связанного с агрессией Азербайджана против Нагорно-Карабахской Республики, нарушением прав армянского населения (в т. ч. прав на жизнь, свободу и собственность), этническими чистками и т. д. Необходимо

воспринимать проблему урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта как актуальный вопрос, даже несмотря на свершившийся факт изгнания армян из Арцаха. В то время, как алиевский режим пытается придать этому противостоянию исторический характер, призывая изменить Конституцию РА и распустить Минскую группу ОБСЕ. Исходя из этого важно не попадать в «ловушку» только лишь «территориальной» логики взаимоотношений, игнорируя правовые и культурные вопросы.

Проблемы конституционного устройства Азербайджана, если не углубляться в «особенности» разделения властей или формулировок основополагающего документа этого государства, касаются, прежде всего, функции сохранения режима личной власти И. Алиева. Это обстоятельство не дает возможности сформулировать более универсальные «правила игры», которые будут приемлемы и для следующей власти. К примеру, конституционная роль вице-президента в случае смены власти в Азербайджане может стать основой политического кризиса, поскольку может возникнуть конфликт с премьер-министром относительно исполнения полномочий президента. Существуют также и другие противоречивые моменты в азербайджанской конституции, однако большее значение придается укреплению власти в том числе - за счет игнорирования стратегических вопросов. Очевидно, что политический режим Азербайджана выстраивается как наследственная автократия, которая предполагает агрессивное отношение к соседним государствам и ситуативные действия элит. Однако, вместе с тем, династия Алиевых сумела подчинить себе все государственные институты, используя также необходимые для воспроизводства власти политические нарративы, смягчающие, к примеру, антироссийскую направленность декларации о независимости Азербайджана (культ Г. Алиева, современные отношения с РФ и т. д.). Но в то же время Нагорно-Карабахская автономная область существовала в «тоталитарном» СССР, что игнорируется нынешними «демократическими» властями Азербайджана, а все историко-культурные следы армян в Нагорном Карабахе последовательно стираются.

Вопреки заявлениям о «лидерстве» Азербайджана на Южном Кавказе, возникает ситуация продолжающейся дестабилизации региональной безопасности, которая зависит не от институциональной структуры отношений между странами, а от личных взаимоотношений руководителей государств. В этом контексте слабая институционализация власти ведет к сильному влиянию желаний и комплексов государственных деятелей на международные отношения, что, в свою очередь, ведет к непредсказуемости процессов и росту угроз. **Неустойчивость государственных основ заставляет Азербайджан расшатывать политические институты остальных стран Южного Кавказа и способствовать их уязвимости,** стремясь сохранять стабильность своего государства на базе прибыли от добычи и транзита углеводородов, однако в долгосрочной перспективе это путь к хаосу, а не мирному сосуществованию.